

РУССКИЙ НИГИЛИСТ КАК ГЕРОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XXI ВЕКОВ

Ольга Михайловна Ушакова

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. e-mail: olmiva@yandex.ru

В статье рассматривается динамика развития образа русского нигилиста в английской литературе XIX–XXI вв. Особенности трансформации и трактовки данного типа персонажа изучаются в контексте «базаровского мифа». Образ Е.В. Базарова представлен как архетип нигилиста в мировой литературе. Исследуются причины высокой восприимчивости западной литературы к этому герою, его изначальная укорененность в европейской культурной традиции. Материалом исследования являются произведения О. Уайлда («Вера, или Нигилисты»), К. Дойла («Ночь среди нигилистов», «Пенсне в золотой оправе»), С. Моэма («Рождественские каникулы»), Т. Стоппарда («Берег утопии») и др. Литературный образ нигилиста анализируется в широком философском и историко-культурном контексте.

Ключевые слова: нигилист; архетип; базаровский миф; «Отцы и дети» И.С. Тургенева; О. Уайлд; А.К. Дойл; С. Моэм; Т. Стоппард.

Рецепция русской литературы на Западе – процесс динамичный, разновекторный и многосторонний¹. Образы, созданные русскими писателями, стали архетипами и символами, претерпели метаморфозы и трансформацию, обретая собственное место и статус, новый характер и значение в иных культурных и литературных контекстах. В настоящей работе мы обращаемся к типу нигилиста, «изобретенного» в русской литературе и реинкарнированного и мифологизированного в произведениях английских писателей (от О. Уайлда до Т. Стоппарда).

Понятия «нигилизм» и «нигилист», появившиеся в западной культуре еще на исходе XVIII в., получили новую жизнь и литературную судьбу в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»² (1862). Именно тургеневский Базаров становится прообразом многих «литературных» нигилистов, а за Тургеневым прочно закрепляется репутация «изобретателя нигилизма». Так, Г. де Мопассан («Изобретатель слова «нигилизм» (*L'inventeur du mot "nihilisme"*, 1880), «Иван Тургенев» (*Ivan Tourgueniev*, 1883) и др.) утверждает: «Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети». И этих новых сектантов, обнаруженных им во взволнованной народной толпе, он называет нигилистами, подобно тому как натуралист дает имя неведомому живому орга-

низму, существование которого он открыл» [Мопассан 1983: 260]. В письме к Тургеневу от 4 (16) ноября 1880 г. Мопассан, сообщая о намерении приступить к серии статей о русской литературе, подчеркивает актуальность и универсальность темы, которую русский писатель вводит в широкий культурный и социальный контекст, отмечает значение пророческого видения Тургенева: «<...> *нигилизм*, который Вы предчувствовали и который *ныне (en ce moment)* волнует мир...» [Переписка И.С. Тургенева 1986: 414].

Главный герой романа «Отцы и дети» положил начало целому ряду героев-нигилистов в русской и зарубежной литературе. Такой мощный заряд творческой энергии возник благодаря гениальному дару Тургенева создавать яркие и убедительные характеры. «Чистые беспримесные типы» [Гинзбург 1971: 309] Тургенева, с одной стороны, универсальны, с другой стороны, глубоко индивидуальны, сложны, противоречивы, что и позволяет им становиться архетипами, прообразами, «брендами», притягивающими внимание и вызывающими стремление к их постоянной актуализации в новых контекстах и текстах: «нигилист», «тургеневская девушка», «тургеневская женщина», «русский человек на rendez-vous» и т.д. Так, Т.С. Элиот в своей рецензии на книгу Э.Гарнетта о Тургеневе (1917)

пишет: «В высшей степени ему удалось соединить постижение глубинной универсальной схожести всех людей, мужчин и женщин, с пониманием того, насколько велики их внешние различия. Он видел эти различия и показал, что отличает русских людей не как кукольник, а как художник» [Элиот 2011: 152].

Универсальность, «надтипичная общность», индивидуальность как скрещение «многообразных несовпадений и несоответствий» [Маркович 1975: 55, 59] и, наконец, масштаб личности героя позволили тургеневским персонажам встать в ряд «вечных образов» мировой литературы. Основной конфликт книги, лежащий на поверхности, конфликт «отцов и детей», имеет сложную и универсальную природу и восходит к античной традиции. М. Бодкин, обращаясь к конфликту поколений в трагедиях У. Шекспира («Гамлет», «Король Лир») в контексте античных архетипов, отмечает противоречивую природу противостояния отцов и детей: «Кажется, что для отношений между отцом и сыном характерно то, что отец вызывает у сына одновременно чувства восхищения, любви, преданности, но также порывы гнева, ревности и стремление отстаивать свои права» [Bodkin 1978: 13] (в романе Тургенева переплетены любовь Базарова к родителям и его протест против старшего поколения в социальном и индивидуальном планах).

Конфликт отцов и детей обнаруживает также заложенное в философской концепции романа противостояние индивидуальной воли и рока, позволяя увидеть в фигуре Базарова центральный тип греческой трагедии – «гибриста». В романе Тургенева, как и в греческой трагедии, судьба сильнее героя, она равнодушна к проявлениям личной гениальности и силе характера гибриста. Любовь, мировая скорбь и прочие романтические затеи, столь презираемые Базаровым, обряд соборования перед смертью, совершаемый против его воли, и, наконец, природасфинкс, оставшаяся равнодушной к естественнонаучным интересам протагониста, по трагической иронии становятся воплощением судьбы героя. Его родители, Василий Иванович и Арина Власьева, оплакивают сына подобно греческому хору в «эксоде» этой современной «трагедии рока». «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной» [Тургенев 1975: 588] – в этих заключительных строках тургеневского романа заключена та

же философская идея, что и в финальной песне хора «Царя Эдипа» Софокла: «Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне».

Обращение в данном контексте к античным параллелям помогает понять не только масштаб характеров, созданных русским писателем, но и их укорененность в европейской литературной традиции, присущую им «нормативность» в аристотелевском смысле, а следовательно, заложенные в них возможности для дальнейшей воспроизводимости и моделируемости в литературной традиции. Хорошему «усвоению» тургеневских героев в европейской литературе способствовало то, что они, несмотря на свою ярко выраженную «русскость», выросли на почве европейской культуры. Базаров как «гибрист» и «нигилист» был для западного читателя узнаваемым философским и эстетическим феноменом.

Образ Базарова сопоставим с героем именно софокловского типа (об «антигоновском конфликте» романа упоминалось в тургеневедении)³. Как и Софокл, соблюдающий равновесие объективного и субъективного, общего и частного, внешнего и внутреннего, Тургенев выдерживает «золотую середину», избегает погружения в бездны психологии и стихию патоса, что определяет цельность, внешнюю пластическую выразительность («аполлонизм») и скульптурную рельефность образа. Античная параллель позволяет осознать, почему именно характеры Тургенева чаще других (по сравнению с условно «эсхилевскими» типами Л.Н. Толстого или «еврипидовскими» Ф.М. Достоевского) поддавались дальнейшему копированию, клишированию и тиражированию.

В категориях аристотелевской «Поэтики» Базаров – характер «благородный», «соответствующий действующему лицу», «правдоподобный», «последовательный». Эти нормативность и высокий уровень типизации облегчают процесс дальнейшего пере моделирования и схематизации. Как в современном массовом сознании с Эдипом ассоциируется «эдипов комплекс» (конфликт «отцов и детей» также вписывается в эту фрейдовскую теорию), так и от тургеневского Евгения Васильевича Базарова в последующих образах нигилистов остаются по большей части «базаровщина» и «нигилизм». А. Камю в «Бунтующем человеке» (глава «Трое одержимых») выражает стереотипное мнение о Базарове как об уже «законченном» типе нигилиста: «Общезвестно, что сам термин «нигилизм» был впервые употреблен Тургеневым в его романе «Отцы и дети», главный герой которого Базаров, воплотил в себе законченный тип нигилиста. В рецензии на эту книгу Писарев утверждал, что ниги-

листы признали в Базарове свой прообраз» [Камю 1990: 237].

Базаровский миф практически сразу же отягощается грузом производных от него литературных «потомков» («Что делать?», «Преступление и наказание», «Бесы» и т.д.) и наложением качеств реальных исторических деятелей (М.А. Бакунин, С.Г. Нечаев, народовольцы и т.д.). Одним из первых в английской литературе эту особенность «напластования» отметил О.Уайлд. В диалоге «Упадок лжи» (*The Decay of Lying*, 1889), обосновывая принципы своей теории «искусства для искусства», он замечает: «Нигилист, сей странный страдалец, лишенный веры, рискующий без энтузиазма и умирающий за дело, которое ему безразлично, – чистой воды порождение литературы. Его выдумал Тургенев, а довершил его портрет Достоевский» [Уайльд 1993: 235].

Постепенно понятие «нигилист» начинает ассоциироваться с «революционером», «радикалом», «террористом», «заговорщиком», «бунтарем» и шире – с «русским интеллигентом». С.Л. Франк в «Этике нигилизма» (1909) констатирует: «...мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [Вехи. Из глубины 1991: 193]. Но при всех привходящих контекстах именно за Тургеневым в западной литературе сохранилось звание «изобретателя» нигилиста, а нигилист в большинстве случаев – это «русский нигилист». В первой английской монографии о Тургеневе, в главе «Отцы и дети», Э. Гарнетт провозглашает: «Тургенев был первым человеком, который открыл существование этого нового типа – нигилиста» [Garnett 1917: 199]⁴. Выражаясь словечком, позаимствованным в воспоминаниях П.Д. Боборыкина о Тургеневе, именно Базаров, непосредственно или опосредованно, «отлинял» на все последующие образы нигилистов в европейской литературе⁵.

Одной из первых художественных рефлексий на тему русских нигилистов стала пьеса Уайлда «Вера, или Нигилисты» (*Vera, or the Nihilists*, 1880). Непосредственным поводом для ее написания была история русской революционерки, социалистки Веры Засулич (1849–1919), необычайно популярной в Англии. Среди причин, побудивших Уайлда обратиться к этой теме, называют его обеспокоенность общей политической ситуацией в Европе, взгляды его матери как активного борца за независимость Ирландии [Валова 2011: 237], угрозы ирландского радикализма, антибуржуазный бунт самого Уайлда, его теорию семейной и сексуальной эмансипации [Уилсон 2015], и, конечно, нельзя не добавить к

этому списку увлечение социализмом и собственный «нигилистический» *Modus Vivendi* великого эстета. Дендизм Уайлда можно рассматривать как одну из разновидностей нигилизма, о чем убедительно рассуждает Д.С. Шиффер в работе «Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер)» (*Philosophie du dandysme*, 2008): «<...> Уайльду, этому «антиномисту от рождения», как определял себя он сам в «De Profundis», в этом плане нет оснований завидовать Ницше, потому что если последний в знаменитом афоризме 108 из книги «По ту сторону добра и зла» фактически утверждал, что «нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов», то совершенно так же верно и то, что заявил Уайльд в предисловии к «Портрету Дориана Грея» <...>» [Шиффер 2011: 121].

В пьесе «Вера, или Нигилисты» (драма в четырех актах с прологом) действуют четыре типа героев-нигилистов – нигилист базаровского («литературного») типа (Вера), нигилисты-заговорщики, безмянные арестанты, которые фигурируют в тексте как «нигилисты», и, наконец, примкнувший к нигилистам царевич Алексей. Нигилист – общее наименование борцов против правящего режима, которое используют и сами нигилисты, и их гонители, и сторонние персонажи. В прологе Вера, спрашивая у арестанта, кто они такие, получает ответ: «нигилисты»: «VERA: [(advances to the Nihilists)] Sit down; you must be tired. [(Serves them food.)] What are you? A PRISONER: Nihilists» [Wilde: 3].

Сама Вера, подобно Базарову, нарушает нигилистические заповеди, влюбившись в Алексея (*Alexis Ivanacievitch, known as a Student of Medicine*). Даже фамилия Веры – Сабурова (*Sabouroff*) – напоминает один из вариантов написания имени Базарова по-английски – Bazaroff (см., например, «Исповедь молодого человека» Дж. Мура, 1886). Тургенев, как свидетельствуют мемуаристы, намеревался создать образ женщины-нигилистки: «Видите ли, мне хочется представить нигилистку, честную, добрую, даже нежную, но ...с шорами на глазах» [Островская 1983: 71].

Как и Базаров, Вера – персонаж противоречивый и страдающий. Любовь к Алексею – причина ее внутренней драмы, она осознается ею как предательство жизненных принципов: «VERA: [(loosens her hands violently from him, and starts up)] I am a Nihilist! I cannot wear a crown! <...> VERA: [(clutching dagger)] To strangle whatever nature is in me, neither to love nor to be loved, neither to pity nor--Oh, I am a woman! God help me, I am a woman! O Alexis! I too have broken my oath; I

am a traitor. I love» [Wilde: 32]. Страдание, по мнению Уайлда, неотъемлемое качество русского нигилиста, более того, оно придает религиозный характер его деятельности по свержению существующего режима, олицетворяющего силы зла: «Все, кто живут или жили в России, могли реализовать своё совершенство только через страдание. Несколько русских художников реализовали себя в Искусстве, некоторые писатели – в прозе, которая по духу остается средневековой, потому что основной нотой является, все же, реализация души людей через страдание. Для тех, кто не является художником и для кого нет другой жизни, кроме фактического существования, страдание – единственная дорога к совершенству. Тот русский, который живет счастливо при нынешней системе правительства в России, или не должен вообще иметь души, или имеет душу совершенно неразвитую. Нигилист, отвергающий всякую власть, потому как знает, что власть – это зло, и принимающий всякое страдание, реализует свое совершенство и поступает как настоящий христианин. Для него идеалы христианства верны» [Уайльд 1993: 373].

Алексей, примкнувший к нигилистам, – также борец со злом и страдалец, но лишенный фанатизма и цинизма соратников Веры. Этот «сложный» тип нигилиста, обладающий признаками человечности, в дальнейшем будет в меньшей степени востребован в литературной традиции. В какой-то степени литературным «потомком» Веры и Алексея станет «императрица-большевичка» великая княжна Аннаяска, главная героиня революционно-романтической «пьески» Дж. Б. Шоу «Аннаяска, сумасбродная великая княжна» (*Annajanska, The Wild Grand Duchess*, 1917), «мужчина», «солдат» и «циркач». Образ великой княжны решен Шоу в гротесковом, фарсовом ключе, при этом она, как и Алексей, «царевна-нигилистка», но в соответствии с законами жанра Аннаяска не одержима теми страстями и противоречиями, которые сгубили Веру и сделали несчастным Алексея. И, безусловно, отсутствие «страдательной» компоненты и победный пафос героини объясняются как мировоззрением драматурга, так и временем написания, триумфом Русской революции.

Нигилисты, соратники Веры, наделены теми чертами, которые наиболее прочно закрепятся за образами нигилистов в последующей литературе: фанатизм, суровость, жесткость, отсутствие человеческих слабостей, спартанский образ жизни, преданность принципам, переходящая в ограниченность, абсолютная дегуманизация всех жизненных проявлений и т.п. Этот набор качеств станет определяющим в мифологеме нигилиста.

Еще один тип нигилиста, уже скорее карикатурного плана, Уайлд создает в своем рассказе «Преступление лорда Артура Сэвила. Размышление о чувстве долга» (*Lord Savile's Crime. A Study of Duty*, 1887). Это молодой человек с революционными взглядами по фамилии Рувалов (*Rouvaloff*), который является «агентом нигилистов» («*a Nihilist agent*»). Именно он сводит главного героя с немецким специалистом по взрывным устройствам. В рассказе характер нигилиста подается в лишенном героизма, сниженном плане, что объясняется самой ситуацией неудавшегося «террористического акта» и отвечает пародийному модусу текста: «В повести «Преступление лорда Артура Сэвила» происходит травестирование викторианских романов, идейной основой которых оставалась незыблемость традиций, значимость морали, образования, чувства долга, семейных обязанностей» [Анцыферова; Листопадова 2014: 205]. Наличие образа русского нигилиста в этом рассказе свидетельствует о том, что радикальный политический элемент в английском обществе конца XIX в. ассоциировался с Россией, в коллективном сознании складывался набор стереотипов, связанных с «русским нигилистом».

Сочетание травестирования и одновременно демонизации русских нигилистов характерно для творчества Конан Дойла. В 1881 г. в журнале «Ландон Сэсайти» (*London Society*) публикуется рассказ «Ночь среди нигилистов» (*A Night Among the Nihilists*), впоследствии вошедший в сборник «Тайны и приключения» (*Mysteries and Adventures*, 1889). Главный герой рассказа, мистер Робинсон (*Robinson*), сотрудник одесского представительства английской зерноторговой фирмы, отправившийся с поручением в периферийный город Солтефф (*Solteff*), по недоразумению попадает в логово нигилистов («*a gang of cold-blooded nihilists*»). Местные нигилисты принимают его за представителя английской радикальной организации, «братства по духу» («*a spiritual brotherhood*»), а полиция за «агента нигилистов» («*the Nihilist agent*»). Дойл отражает как реалии тогдашней политической жизни, в частности, широкие международные связи русских революционеров, так и стереотипные представления о заговорщиках (строгая конспирация, сектантство, жестокость, фанатизм, радикализм).

Образы нигилистов шаржированы, что определяется характером самой трагикомической ситуации и отношением автора к этим персонажам. Главному герою удастся остаться в живых благодаря вмешательству полиции, которая за ним следит, так как сыщики также принимают его за нигилиста: «Пока мы шли в гостиницу, мой

бывший попутчик объяснил, что возглавляемая им сотлевская полиция вот уже некоторое время как получила уведомление и все эти дни ждала нигилистического посла. Мой приезд в это глухое местечко, мой таинственный вид и английские наклейки на чемоданчике завершили это дело» [Дойл 2008: 326]. Перенесенные страхи и ужас от увиденного остаются с рассказчиком на всю оставшуюся жизнь, он, по словам полицейского, «единственный посторонний, кто смог выбраться из этого логова живьем» [там же]. Стоит отметить любопытную деталь из разряда тех, что подтверждают репутацию Дойла как писателя, обладавшего «предсказательной мощью» и «блистательной прозорливостью», о которых рассуждает Г. Панченко, автор предисловия и составитель сборника «Забывшие расследования» [там же: 7], включающего новый перевод рассказа на русский язык. Комната «для увольнений» со следами крови, которые наивный рассказчик принимает за пятна от кофе, «тройка», осуществляющая репрессивные меры (казнь предателя, несостоявшееся убийство Робинсона), напоминают отечественному читателю печально известные тройки НКВД: «Трое <...> силой выволокли Павла Ивановича из комнаты» [там же: 321].

Русская нигилистка становится главной героиней рассказа «Пенсне в золотой оправе» (*The Adventure of the Golden Pince-Nez*, 1904) из сборника «Возвращение Шерлока Холмса» (*The Return of Sherlock Holmes*). Нигилистка Анна совершает непреднамеренное убийство, которое раскрывает Шерлок Холмс. В соответствии с законами жанра история лишена какого-либо идейно-политического подтекста: «В рассказах Конан Дойля даже подслеповатые русские нигилистки, босые дикари с Андаманских островов или вульгарные немецкие князья становятся своими, начинают играть так, как нужно Шерлоку Холмсу, а в итоге – и как нужно платоновскому архетипу холмсовского мира» [Кобрин 2015: 7]. Тем не менее в сюжете и в образах Анны и ее бывшего супруга, в прошлом – революционера, профессора Корэма (Сергея), отражены реалии английской жизни того времени (в частности, большое число русских революционеров, проживающих в Лондоне), стереотипные представления о «нигилистах».

Анна представляет собой тип «сложного» нигилиста и напоминает уайлдовскую Веру. Она также жертвует собой ради любви (совершает преступление, принимает яд), являясь олицетворением русской «религии страдания» (во время написания рассказа книга М. Де Вогюз «Русский роман» (1886), которая делает общеупотребимым и популярным это понятие, уже известна англий-

ской публике). Возлюбленного Анны, ради которого совершается самопожертвование, также зовут Алексей (*Alexis*), и он, как и уайлдовский Алексей, противник насильственных методов и террора. Анна, как и Вера, выводится автором бесстрашной, целеустремленной, благородной, преданной идее и любимому человеку.

В образе Анны мы видим отражение стереотипных представлений о женщине-нигилистке, увлеченной идеями классовой борьбы и лишенной внешних признаков женственности: «Притчей во языцех сделались нигилистки, сменившие фишмы и кринолины на черные блузы, носившие синие очки, курившие папиросы, коротко стриженные и встречавшиеся с мужчинами наедине» [Уилсон 2015]. Анна близорука, некрасива, нелепо выглядит: «Она была вся в пыли и паутине, которую собрала, видимо, со стен своего убежища. Лицо ее, которое никогда нельзя было бы назвать красивым, все было в грязных потеках. Холмс правильно угадал ее черты, и, кроме того, у нее был еще длинный подбородок, выдававший упрямство. Из-за близорукости и резкого перехода от темноты к свету она щурилась и моргала глазами, стараясь разглядеть, кто мы такие. И все же, несмотря на то, что она предстала нам в столь невыгодном свете, во всем ее облике было благородство, упрямый подбородок и гордо поднятая голова выражали смелость и внушали уважение и даже восхищение» [Дойл 2014: 334].

Анна представляется Холмсу и его спутникам именно как «нигилистка»: «Мы были революционеры, нигилисты (*«reformers—revolutionists—Nihilists»*), вы знаете» [там же: 336]. Так же, как в «Ночи среди нигилистов», нигилисты, соратники Анны, составляют сплоченную организацию, тайный орден (в оригинале: *«the Brotherhood»* и *«the Order»*), который незамедлительно расправится с предателем, как только узнает о его местонахождении. В этом рассказе Дойл создает гораздо менее монструозный образ нигилиста, чем в «Ночи среди нигилистов», но сохраняет все традиционные для этого типа героя атрибуты, как внешние (конспирация, терроризм, ссылка, Сибирь), так и внутренние (самопожертвование, бесстрашие, радикализм, фанатизм, аскетичность).

Сатирическая и любовно-драматическая линия в изображении русских нигилистов (Александр Осипов, Кирилл Разумов, Виктор Халдин и др.) продолжена в творчестве Дж.Конрада. Подробный и глубокий анализ образов «русских студентов» и «русских революционеров» представлен в монографии Е. Е. Соловьевой «Джозеф Конрад и Россия» (2012). По мнению автора, «Конрад внимательно и напряженно вдумывался

в феномен русского революционера, пытался понять, что движет молодым человеком, приходящим к революционной борьбе. Что заставляет стариков хранить верность убеждениям юности, как переплетаются в этом движении фанатизм и практицизм, искренность и фальшь, благородство и низость» [Соловьева 2012: 103–104].

В произведениях «Тайный агент» (*The Secret Agent*, 1907), «На взгляд Запада» (*Under the Western Eyes*, 1911) и других благодаря углубленному психологическому анализу и гораздо большему уровню «русской рефлексии» Конрада, обусловленному его биографией, стереотипные «нигилистические» черты образов русских революционеров изображены лишь в той мере, в какой они соответствуют художественной правде. «Базаровский след» есть и в русских героях Конрада. Конрад был внимательным читателем произведений русского писателя и почитателем его таланта. Именно Конрад пишет предисловие к монографии Гарнетта о Тургеневе, не преминув подчеркнуть, что ставит его гений гораздо выше Достоевского. Как и его англоязычные современники (например, Г. Джеймс), Конрад отмечает человеческую убедительность, полноту и полноценность человеческой природы тургеневских героев: «Все его творения, счастливые и несчастные, теснимые и их притеснители – именно люди, а не причудливые обитатели зверинца или проклятые души, странствующие в душной темноте мистических противоречий. Они – люди, способные жить, способные страдать, способные бороться, способные побеждать, способные проигрывать в бесконечной и воодушевляющей гонке преследования будущего изо дня в день» [Conrad 1917: viii].

Победа революционного движения в России в 1917 г. не могла не наложить отпечаток на восприятие и художественное осмысление образа русского нигилиста, поскольку революционеры («нигилисты») пришли к власти. Образ нигилиста в романе У.С. Моэма «Рождественские каникулы» (*Christmas holiday*, 1939) становится результатом трансформации, обусловленной изменениями исторического контекста. Один из главных героев, Саймон Фенимор (*Simon Fenimore*), представляет собой тип «английского нигилиста». Но образцом для подражания, парадигматическим типом, является «русский нигилист», Ф. Э. Дзержинский, основатель ВЧК, теоретик и практик «красного террора». Литературными же прототипами «английского нигилиста», как уже было отмечено отечественными исследователями, стали Е. В. Базаров и П. С. Верховенский [Никола, Петрушова 2015: 245].

Показательно, что сам сюжет, основной конфликт романа, особенности характеров главных героев строятся по модели «Отцов и детей». Чарли Мейсон (*Charley Mason*) и вся семья Мейсонов – своего рода английские Кирсановы. А отец Чарли, Лесли Мейсон, даже внешне напоминает Павла Петровича: кирсановская англомафия коррелирует с «английскостью», культурной неподвзятостью и либерализмом старшего Мейсона. В то же время облик, манеры, поведение, принципы Саймона, базаровское «все отрицаем» соответствуют стереотипным представлениям о Базарове-нигилисте: «Я родился не в роскоши, как-нибудь перебыл. В Вене я провел опыт самоограничения, месяц жил на хлебе и молоке» [Моэм 1992: 23].

Саймон – герой нового времени и его непомерная гордыня и «опыты самоограничения» приводят к интеллектуальной и душевной ограниченности, мизантропической жажде власти, которые были чужды его литературному прототипу. Образцом для жизнестроения для него служит Дзержинский как логическое завершение и триумф нигилистической идеи: «При исполнении своих обязанностей он не давал воли ни любви, ни ненависти <...>. Собственной рукой он подписал сотни, нет, тысячи смертных приговоров. Жил он по-спартански. Сила его заключалась в том, что для себя ему не нужно было ничего и т.п.» [там же: 174].

Дзержинский в романе Моэма – это победивший нигилист, нигилист, захвативший власть, но оставшийся верным философии тотального нигилизма. Не случайно, Саймон, переболевший, как и положено студенту Кембриджа образца 30-х, увлечением коммунистическими идеями, с чудовищным цинизмом отзывается о коммунистических идеалах: «Коммунизм? Кто говорит о коммунизме? Теперь уже все знают, коммунизм вздор. То была мечта оторванных от жизни идеалистов <...>. Огромная масса людей по самой своей природе рабы, они не способны собой управлять, и для их же блага им нужны хозяева <...>. Каков результат революций, которые совершились на нашем веку? Народ не лишился хозяев, только сменил их, и никогда власть не правила такой железной рукой, как при коммунизме» [Моэм 1992: 171].

В своем романе Моэм показывает, что террор, являющийся одной из составляющих нигилистической теории, из антигосударственного переходит в разряд государственного. Разрушение как осознание своей силы – мысль, вложенная в уста Саймона, продиктована автору историческим опытом Русской революции, красным и белым террором Гражданской войны и, наконец,

«Большим террором» 1930-х. Хотя термин Роберта Конквеста (*Robert Conquest*), предложенный им в конце 1960-х (*The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*, 1968), некоторые историки считают не совсем корректным, в контексте данной темы он помогает увидеть генетическую связь нигилистов XIX в. с их духовными потомками и отражение этой преемственности в логике развития образа нигилиста в английской литературе с 80-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.

Нельзя не отметить в этом романе полемику Моэма с писателями-современниками, не желающими замечать реалий советской жизни, Б. Шоу, Т. Драйзером, Р. Ролланом и др. Нигилист у власти распоряжается уже не жизнями отдельных людей, а манипулирует огромными массами. Описывая бледного, небритого, взломаченного, нелепого, возбужденного собственной риторикой Саймона, Моэм от своего лица, что не оставляет сомнений по поводу авторской позиции, отмечает: «Но в прошлом, не таком уж далеком прошлом, другие молодые люди, такие же бледные, тощие, неухоженные, в поношенных костюмах или студенческих тужурках ходили по своим убогим жилищам и высказывали столь же, казалось бы, несбыточные мечты; и однако, как ни странно, время и благоприятный случай помогли их мечтам осуществиться, и, сквозь кровь прорываясь к власти, они держали в своих руках жизнь миллионов» [там же: 174].

Жертвами этого нигилизма становятся главная героиня романа Лидия (*Lydia*) и Алексей, ученик ее отца, а ныне спившийся русский эмигрант, в судьбе которого Дзержинский непосредственно сыграл роковую роль. Именно Лидия отчетливо видит нигилистическую сущность Саймона, объясняя Чарли свою неприязнь к нему: «Вы в нем обманываетесь. Приписываете ему вашу доброту и бескорыстное внимание к людям. Говорю вам, он опасен. Дзержинский был узколобий идеалист и ради своего идеала мог без колебаний обречь свою страну на гибель. Саймон еще хуже. У него нет сердца, нет совести, нет чести, и при случае он без сожаления пожертвует вами, своим лучшим другом» [там же: 135]. Таким образом, в «Рождественских каникулах» Моэм показывает преемственность нового вида нигилиста его предшественникам и пытается осмыслить эту новую роль в современном мире, накануне новых глобальных событий, Второй мировой войны.

Казалось бы, возможности архетипа нигилиста с наступлением новейшей истории исчерпаны, тем не менее образы нигилиста—«борца с режимом» и «победившего» нигилиста — продолжают привлекать внимание английских публи-

цистов и писателей. Предельно ясно эту тенденцию выразил И. Берлин, рассуждая о современном нигилизме, ставшем всемирной идеологией, в своем эссе «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов» (*Fathers and Children: Turgenev and the Liberal Predicament*, 1972): «Этот болезненный конфликт, который стал постоянным затруднением русских либералов на полвека, сейчас распространился на весь мир. Мы должны ясно понимать: сегодня герои мятежа не Базаровы. В каком-то смысле Базаровы выиграла. Победное продвижение количественных методов, вера в организацию человеческой жизни с помощью технологического управления, упование на один лишь расчет утилитарных последствий при выработке политики, которая затрагивает огромные массы людей, — это Базаров, а не Кирсановы» [Берлин 2014: 176].

Расширение английского литературного «нигилистического» текста на рубеже тысячелетий происходит также благодаря постмодернистской рефлексии на темы русского нигилизма. Дискуссия о генезисе и развитии русского нигилизма ведется в характерных для постмодернизма эстетических формах, в частности, в рамках «историографической металитературы», осмысляющей природу литературного творчества. Интертекстуальность, игра, стилизация, цитирование, размывание границ между документальным и художественным повествованием, квазибиографичность и т.д. — тот инструментарий, с помощью которого тема русского нигилизма предстает в новых, неожиданных ракурсах. Героями текстов становятся сами творцы архетипа нигилистов — Тургенев и Достоевский. Современные авторы делают попытки реконструирования творческого процесса и культурно-исторического контекста, который определил появление и специфические характеристики нигилиста как литературного персонажа.

Роман англоязычного писателя Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» (*The Master of Petersburg*, 1994) посвящен вымышленной истории из жизни Достоевского. Кутзее устами своего героя рассуждает о нигилизме как о специфически русском и вневременном явлении: «Только не мода. То, что вы зовете нечаевщиной, всегда существовало в России, разве что под другими именами. Нечаевщина — явление такое же русское, как разбой» [Кутзее 2009: 63]. Тема отцов и детей также является важной в этом романе Кутзее и разворачивается, как убедительно показывает Д. Бержайте, в тургеневской плоскости: «Проблемы отцов и детей, введение темы нигилизма — во главе всего этого в русской литературе стоит имя Тургенева. Достоевский, как из-

вестно, в «Бесах» не просто продолжает начатое Тургеневым, но полемизирует с ним, как и подбавляет всем, действующим по схеме «отцы и дети». Через много лет на другом континенте другой художник включается в ту же полемику об извечном идеологическом (и не только) конфликте поколений и тоже диалектически опровергает истины, установленные предшественником, вместе с тем, доказывая, что все в этом мире действует по одному и тому же принципу: «злободневность оказывается лишь кажимостью, а вечное – сущностью» [Бержайте 2009: 33].

Развернутой иллюстрацией экстравагантного заявления Уайлда о Тургеневе как изобретателе нигилизма, покоящегося в основании всей конструкции традиции темы русского нигилиста в английской литературе, является эпизод из трилогии английского драматурга Т. Стоппарда «Берег утопии» (*The Coast of Utopia*, 2002). Это еще одно пространство освоения как личности Тургенева, так и созданного им типа и понятия «нигилист». У Стоппарда Тургенев предстает как литературный персонаж, реальный исторический контекст его творчества пересекается с контекстом мемуарно-документальным (воспоминания о Тургеневе, его переписка) и вымышленным. Тургенев является одним из главных героев трилогии и, если доверять многочисленным ссылкам на высказывание Стоппарда, его *alter ego*: «Возможно, все-таки художник в конечном счете, а не три гениальных публициста, является подлинным героем “Берега утопии”» [Stoppard 2006].

Стоппарда интересуют различные стороны личности Тургенева: его политические симпатии, отношение к любви, дружеские привязанности и т.п. Тургенев предстает как оппонент своих приятелей социал-демократов, либерал, западник, «русский европеец» (см. об этом подробнее нашу статью «Английские связи русских изгнанников. Париж как культурный перекресток» [Ushakova 2012: 467–475]). Творческая алхимия проступает как один из глубинных слоев палимпсеста, что точно подмечает и формулирует Е.Г. Доценко: «Произведения И.С. Тургенева должны восстанавливаться из подтекста, но и служить в свою очередь неким контекстом для понимания личности писателя, потому что Тургенев в пьесе о собственных литературных достижениях друзьям практически не рассказывает. Предполагается, что стоппардовский зритель и читатель узнает классические произведения на уровне аллюзий и неполных цитат, в данном случае – из «Отцов и детей». В пьесе присутствует разговор Тургенева с Доктором-нигилистом, прототипом

Базарова: автор и его герой встречаются в 1860 г. на острове Уайт» [Доценко 2007: 242].

История возникновения идеи нигилиста прописана детально, что указывает на особое значение этого героя для творчества Тургенева и в целом для русской и европейской культуры. В трилогии обыгрывается одна из известных версий создания персонажа-нигилиста, усиленная и дополненная воображением драматурга: «Тургенев. Совершенно ничего? Доктор. Ничего. Тургенев. Вы не верите в принципы? В прогресс? Или в искусство? Доктор. Нет, я отрицаю абстракции. Тургенев. Но вы верите в науку. Доктор. В абстрактную науку – нет. Сообщите мне факт, и я соглашусь с вами. Два и два – четыре. Остальное – конский навоз. Вам не нужна наука, чтобы положить хлеб в рот, когда вы голодны. Отрицание – это то, что сейчас нужно России. Тургенев. Вы имеете в виду народу, массам? Доктор. Народ! Он более чем бесполезен. Я не верю в народ. Даже освобождение крестьян ничего не изменит, потому что народ сам себя ограбит, чтобы напиться. Тургенев. Что же вы в таком случае предлагаете? Доктор. Ничего. Тургенев. Буквально ничего? Доктор. Нас, нигилистов, больше, чем вы думаете. Мы – сила. Тургенев. Ах да... нигилист. Вы правы, мы не встречались раньше. Просто я все искал вас, сам того не зная» [Стоппард 2006: 432–433]. Таким образом, история идет по кругу, от нигилистов, реализовавших многие из своих потенциалов, мы вновь возвращаемся к истокам создания этого образа.

Рассмотрев различные типы рефлексии вокруг понятия «нигилисты», нельзя не заметить определенную диалектику сужения и расширения семантики изначального образа, актуализацию отдельных его составляющих, не увидеть динамику развития базаровского мифа в английской литературе. Универсальность типа, наряду с художественной честностью Тургенева и точностью изображения («надтиповой» тип), обеспечили Базарову долгую и счастливую литературную судьбу. А богатая история развития трансформаций и метаморфоз «литературного нигилиста», которая отнюдь не исчерпывается приведенными в данной работе примерами, открывает перспективы появления новых поворотов, площадей и тупиков в «городе Базарове»⁶. Судя по тому, что история Евгения Васильевича Базарова продолжает писаться в XXI в., представляется дискуссионным положение И.Л. Волгина о том, что «в глазах современного Запада русский сюжет завершен» [Волгин 1999: 239]. И то, что русская литература «превращается в одну из современных мировых мифологий» [там же], лишь

является основанием для постоянного обновления и живой циркуляции ее мифов и архетипов.

Примечания

¹ Исследования в этом направлении ведутся довольно давно. Из новых работ на эту тему см. работы С.Б. Королевой [Королева 2014], Л.Ф. Хабибуллиной [Хабибуллина 2010], содержательную рецензию Н.С. Бочкаревой и Б.М. Проскурнина на компаративистские исследования в области русско-английских литературных связей [Бочкарева, Проскурнин 2015], сборник статей по материалам Пятого Фицвильямского коллоквиума в Кембридже под редакцией корифея британской славистики Э. Кросса [A People Passing Rude: British Responses To Russian Culture 2012] и др.

² Традиция исследования понятия «нигилист» – одна из самых длительных и значительных в философии, культурологии, литературоведении, публицистике. Существует огромное количество серьезных исследований по этой теме как в России, так и за рубежом. Среди работ, представляющих традицию изучения нигилизма: монография В.Г. Косыхина [Косыхин 2009], статьи А.В. Михайлова [Михайлов 2000], Г. И. Данилиной [Данилина 2006], сборник, включающий работы Э. Юнгера и М. Хайдеггера и их комментариев [Судьба нигилизма 2006] и др.

³ Заметим, что Тургенев, получивший в Европе классическое образование, серьезно размышлял над характерами софокловских героев. Так, в воспоминаниях Я.П. Полонского читаем: «И, развивая теорию трагического, Иван Сергеевич, между прочим, привел в пример Антигону Софокла» [Полонский 1983: 367–368].

⁴ О восприятии И.С. Тургенева в английской литературе см. монографию М.Б. Феклина [Феклин 2005].

⁵ «Он слишком много жил с французскими писателями, артистами и светскими людьми, чтобы на него не отлинял их язык». «Но, повторяю опять, немецкий склад жизни, ума и вкусов на него резким образом не отлинял» [Боборыкин 1983: 10].

⁶ Имеется в виду литературный анекдот об американце, завлекавшем Тургенева в Америку рассказом об основании города Базарова: «<...>Базаров родственный тип американцам и что лет через десять в Америке будет город под именем Базаров, так как уже заложено его основание. Теперь, убеждал он Тургенева, существует один только намек на этот город, но уже разбиты колышки, очерчены площади, места для лавок и рынков<...>» [Колбасин 1983: 25].

Список литературы

Анцыферова О.Ю., Листопадова О.Ю. Жанровая травестия в сборнике Оскара Уайльда «"Преступление лорда Артура Сэвила" и другие рассказы» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 203–206.

Бержайте Д. Посвящение отцам, или диалог с русской литературой (Дж. М. Кутзее. «Осень в Петербурге») // LITERATŪRA. 2009. № 51(2). С. 21–34.

Берлин И. Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов/ пер. с англ. Г. Дурново// История Свободы. Россия. 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 127–182.

Боборыкин П.Д. Из воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 5–16.

Бочкарева Н.С., Проскурнин Б.М. Образ и миф в английской литературе о России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 142–145.

Валова О.М. Перекрестки культур и эпох в драматургии Оскара Уайльда // Образ провинции в русской и английской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 235–239.

Веги. Из глубины. М.: Правда, 1991. 607 с.

Волгин И. Из России – с любовью? «Русский след» в западной литературе // Иностран. лит. 1999. № 1. С. 230–239.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 464 с.

Данилина Г.И. История как ключевое слово культуры (А.В. Михайлов, «Из истории “нигилизма”») // Филол. журн. 2006. № 1(2). С. 216–228.

Дойл А.К. Пенсне в золотой оправе/ пер. с англ. Н. Санникова// Возвращение Шерлока Холмса. СПб: Амфора, 2014. С. 308–341.

Дойл А. К. Ночь среди нигилистов/ пер. с англ. М. Маковецкой, Г. Панченко // Забытые расследования. Рассказы и повести / сост. Г. Панченко. Харьков; Белгород: Кн. клуб «Клуб семейного досуга», 2008. С. 312–327.

Доценко Е.Г. Русская классика Т. Стоппарда // Русская классика: динамика художественных систем: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, РОПРЯИЛ, УрО РАО, ИФИОС «Словесник», 2007. Вып. 2. С. 231–246.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика, Искусство/ пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Кобрин К.Р. Шерлок Холмс и рождение современности: Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 184 с.

- Колбасин Е.Я. Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 17–26.
- Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.
- Косыхин В.Г. Нигилизм и диалектика. Саратов: Науч. книга, 2009. 256 с.
- Кутзее Дж. М. Осень в Петербурге/ пер. с англ. С. Ильина. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
- Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 152 с.
- Михайлов А.В. Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 537–623.
- Мопассан Ги де. Иван Тургенев // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 258–261.
- Мозэм У.С. Рождественские каникулы/ пер. с англ. Р. Облонской. М.: А/О «Книга и бизнес», 1992. 189 с.
- Никола М.И., Петрушова Е.А. Образ Дзержинского в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2015. № 3 (41). С. 242–247.
- Островская Н.А. Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 57–95
- Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т.2. 543 с.
- Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (Из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 358–406.
- Соловьева Е.Е. Джозеф Конрад и Россия. Череповец: ЧГУ, 2012. 229 с.
- Стоппард Т. Берег Утопии: Драматическая трилогия/ пер. с англ. И. Кормильцева. М.: Иностранка, 2006. 280 с.
- Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампар. Гюнтер Фигаль/ пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 222 с.
- Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Романы. М.: Детская лит., 1975. С. 421–592.
- Уайльд О. Упадок лжи/ пер. с англ. А.М. Зверева // Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 218–245.
- Уайльд О. Душа человека при социализме/ пер. с англ. О. Кириченко // Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 344–374.
- Уилсон Дж. Как важно любить нигилиста: «Вера» Оскара Уайльда и сексуальная политика русского радикализма // НЛЮ. 2015. № 5 (135). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/14yu.html> (дата обращения: 28.01.16).
- Феклин М.Б. The Beautiful Genius. Тургенев в Англии: первые полвека. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 с.
- Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 206 с.
- Шиффер Д.С. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер) / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2011. 296 с.
- Элиот Т.С. Тургенев/ пер. с англ. О.М. Ушаковой // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета (Филология). 2011. № 1 (23). С. 151–153.
- A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture* / ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Bok Publishers, 2012. 550 p.
- Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.
- Conrad J. Foreword // Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. P. v-x.
- Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. 206 p.
- Ouchakova O. Les contacts anglais des émigrés russes. Paris, un carrefour des cultures // *Figures de l'émigré russe en France au XIXe et XXe siècle. Fiction et réalité*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2012. P. 467–475.
- Stoppard T. 'I'm Writing Three Plays Called Bakunin, Belinsky and Herzen...I Think', *Lincoln Center Theater Review*, Fall 2006, Issue 43 // URL: http://www.lctreview.org/article.cfm?id_issue=36549392&id_article=75124103&page=2 (дата обращения: 20.08.2009).
- Wilde O. Vera, or the Nihilists // URL: <http://www.wilde-online.info/vera,-or-the-nihilists-page3.html> (дата обращения: 15.01.2016).

References

- A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture* / Ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Bok Publishers, 2012. 550 p.
- Antsyferova O Yu., Listopadova O. Yu. Zhanrovaja travestija v sbornike Oscara Uajlda "Prestupenije Artura Sevila i drugije rasskazy" [Genre Travesty in "Lord Arthur Savile's Crime and Other Stories" by Oscar Wilde] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2014. № 2 (3). P. 203–206.
- Berzhaite D. Posvjashchenije ottсам, ili dialog s russkoj literaturoj (Dzh. Kutzee "Osen' v Peterburge")

[Dedication to Fathers, or the Dialogue with Russian Literature (J. M. Coetzee's The Master of Petersburg)]. LITERATŪRA Publ., 2009. Iss. 51(2). P. 21–34.

Berlin I. Ottsy i deti: Turgenev i zatrudnenija liberalov [Fathers and Children: Turgenev and the Liberals' Predicament] / transl. from English by G. Durnovo. Istorija Svobodi. Rossiya [History of Freedom. Russia]. M.: Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2014. P. 127–182.

Boborykin P.D. Iz vospominanij [From the Memoirs] I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memories of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 5–16.

Bochkareva N.S., Proskurnin B.M. Obraz i mif v anglijskoj literature o Rossii [Image and Myth in English Literature about Russia]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2015. Iss. 4 (32). P. 142–145.

Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.

Camus A. Buntujushchij chelovek. Filosofija. Politika. Iskustvo / transl. from French [The Rebell. Philosophy. Politics. Art]. M.: Politizdat Publ., 1990. 415 p.

Conrad J. Foreword . Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. P. v-x.

Coetzee J. M. Osen' v Peterburge/ transl. from English by S. Il'in [The Master of Petersburg]. M.: Eksmo Publ., 2009. 368 p.

Danilina G.I. Istorija kak ključevoje slovo kul'tury (A.V. Mikhailov, "Iz istorii nigilizma") [History as a Key Word of Culture (A.V. Mikhailov "From the History of Nihilism")] Filologičeskij žurnal [Phylogological Journal]. 2006. Iss. 1(2). P. 216–228.

Doyle A.C. Pensne v zolotoj oprave / transl. from English by N. Sannikov [The Adventure of the Golden Pince-Nez] Vozvrashčenie Šerloka Holmsa [The Returns of Sherlock Holmes]. SPb: Amfora Publ., 2014. P. 308–341.

Doyle A.C. Noch' sredi nigilistov/ transl. from English by M. Makovetskaja, G. Panchenko [A Night among the Nihilists] Zabytyje rassledovanija. Ras-skazy i povesti [Forgotten investigations. Tales and stories]. Kharkov; Belgorod: Knizhnij klub "Klub semejnogo dosuga" Publ., 2008. P. 312–327.

Dotsenko E.G. Russkaja klassika T. Stopparda [Russian Classics by T. Stoppard] Russkaja klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem: sbornik nauch. trudov [Russian Classics: the dynamics of artistic systems]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, ROPRJAiL, UrO, RAO, IFIOS "Slovesnik" Publ., 2007. P. 231–246.

Elit T.S. Turgenev / transl. from English by O.M. Ushakova [Turgenev] Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tikhonovskogo universiteta (Filologija) [St. Tikhon's University Review (Phylology)]. 2011. Iss. 1 (23). P. 151–153.

Feklin M.B. The Beautiful Genius. Turgenev v Anglii: pervyje polveka [The Beautiful Genius. Turgenev in England. The First Semicentenary]. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 p.

Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. 206 p.

Ginzburg L.J. O psichologičeskoj proze [On the Psychological Fiction]. L.: Sovetskij pisatel' Publ., 1971. 464 p.

Khabibullina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 206 p.

Kobrin K.R. Sherlock Holmes i rozhdenije sovremennosti: Den'gi, devushki, dendi viktorianskoj epokhi [Sherlock Holmes and the Birth of Modernity: Money, Girls, Dandies of the Victorian Age]. SPb: Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2015. 184 p.

Kolbasin E.J. Iz vospominanij o Turgeneve [From the Memoirs about Turgenev] I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 17–26.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. M.: Direkt-Media Publ., 2014. 314 p.

Kosykhin V.G. Nigilizm i dialektika [Nihilism and Dialectics]. Saratov: Nauchnaja kniga Publ., 2009. 256 p.

Markovich V.M. Chelovek v romanakh I.S. Turgeneva [An Individual in I.S. Turgenev's Novels]. L.: Leningrad Univ. Publ., 1975. 152 p.

Mikhailov A.V. Iz istorii "nigilizma" [From the History of "Nihilism"]. Mikhailov A.A. Obratnyj perevod [Reverse translation]. M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 2000. P. 537-623.

Maupassant Gi. de Ivan Turgenev [Ivan Turgenev]. I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I. S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 258–261.

Maugham W.S. Rozhdestvenskije kanikuly/ transl. from English by R. Oblonskaja [Christmas Holiday]. M.: «Kniga i biznes» Publ., 1992. 189 p.

Nikola M.I., Petrushova E.A. Obraz Dzerzhinskogo v romane Somerset Maugham "Rozhdestvenskije kanikuly" [The Image of Dzerzhinsky in the novel "Christmas Holiday" by William Somerset Maugham] Filologija i kul'tura [Philology and Culture]. 2015. Iss. 3 (41). P. 242–247.

Ostrovskaja N.A. Iz vospominanij o Turgeneve [From the Memoirs about Turgenev]. I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I. S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 57–95.

Perepiska I.S. Turgeneva [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols. Vol.2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1986. 543 p.

Polonskij J.P. I.S. Turgenev u sebja v ego poslednij priedz na rodinu (Iz vospominanij) [I.S. Turgenev at Home during His Last Visit to the Motherland (From the Memoirs)] I.S. Turgenev v vospominanijah sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 358–406.

Schiffer D.S. *Filosofija dendizna: Estetika dushi i tela* (Kierkegaard, Wilde, Nietzsche, Baudelaire) / transl. from French by B.M. Skuratov [Philosophy of Dandyism. Aesthetics of Soul and Body (Kierkegaard, Wilde, Nietzsche, Baudelaire)]. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury Publ., 2011. 296 p.

Solovjeva E.E. Joseph Conrad i Rossija [Joseph Conrad and Russia]. Cherepovets: Chuvash State University Publ., 2012. 229 p.

Stoppard T. Bereg utopia / transl. from English by I. Kormiltsev [The Coast of Utopia]. M.: Inostranka Publ., 2006. 280 p.

Stoppard T. 'I'm Writing Three Plays Called Bakunin, Belinsky and Herzen... I Think', *Lincoln Center Theater Review*, Fall 2006, Issue 43. Available at: http://www.lctreview.org/article.cfm?id_issue=36549392&id_article=75124103&page=2 (accessed 20.08.2009).

Sud'ba nigilizma: Ernst Unger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal / transl. from German by G. Khaidarova [The Way of Nihilism: Ernst Unger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal]. SPb.: St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. 222 p.

Turgenev I.S. Ottsy i deti [Fathers and Sons] Turgenev I.S. Romany [Novels]. M.: Detskaja literatura Publ., 1975. P. 421–592.

Ushakova O. English Contacts of Russian Exiles. Paris as a Cultural Crossroads. Figures of the Russian Emigrants in France of the 19-20th Centuries. Fiction and Reality. Amsterdam/New York, NY: Rodopi, 2012. P. 467–475.

Valova O.M. Perekrestki kul'tur i epokh v dramaturgii Oscara Uajlda [Crossroads of Cultures and Epochs in Oscar Wilde's Plays] Obraz provintsii v russkoj i anglijskoj literature [The Image of Province in Russian and English Literature]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2011. P. 235–239.

Vekhi. Iz glubiny [Milestones. De Profundis]. M.: Pravda Publ., 1991. 607 p.

Volgin I.L. Iz Rossii – s ljubovju? "Russkij sled v zapadnoj literature [From Russia with Love? Russian Trace in Western Literature]. Inostrannaja literatura Publ., 1999. Iss. 1. P. 230–239.

Wilde O. Upadok lzhi / transl. from English by A.M. Zverev [The Decay of Lying] Wilde O. Izbrannie proizvedenija [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Respublika Publ., 1993. P. 218–245.

Wilde O. *Dusha cheloveka pri sotsializme* / transl. from English by O. Kirichenko [The Soul of the Man under Socialism] Wilde O. Izbrannie proizvedenija [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Respublika Publ., 1993. P. 344–374.

Wilde O. Vera, or the Nihilists. Available at: <http://www.wilde-online.info/vera,-or-the-nihilists-page3.html> (accessed 15.01.2016).

Wilson J. Kak vazhno ljubit' nigilista: "Vera" Oskara Wilda i seksual'naja politika russkogo radikalizma [The Importance of Loving a Nihilist: Oscar Wilde's "Vera" and the Sexual Politics of Russian Radicalism]. NLO. 2015. Iss. 5 (135). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/14yu.html> (accessed 28.01.16).

A RUSSIAN NIHILIST AS A HERO OF ENGLISH LITERATURE OF THE 19th -21st CENTURIES

Olga M. Ushakova

Professor in the Department of Foreign Literature

Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism

The article deals with the dynamics of the image of a Russian nihilist in English literature of the 19th-21st centuries. Peculiarities of transformation and interpretation of this type have been studied in the context of "Bazarov's myth". The image of Bazarov is presented as the archetype of a nihilist in the world literature. The author of the paper researches the reasons for high receptivity for this hero in western literature and turns to the genesis of this hero rooted in the European cultural tradition. The materials of the research are works by O. Wilde (*Vera, or the Nihilists*), A.K. Doyle (*A Night among the Nihilists*, *The Adventure of the Golden Pince-Nez*), S. Maugham (*Christmas Holiday*), T. Stoppard (*The Coast of Utopia*) and others. The literary image of the nihilist is analyzed in philosophical, historical and cultural contexts.

Key words: nihilist, archetype, Bazarov's myth, Turgenev's "Fathers and Sons", Oscar Wilde, Arthur Conan Doyle, Somerset Maugham, Tom Stoppard.